

На правах рукописи

Гулько Оксана Геннадьевна

**ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ СУБСТАНТИВНОЙ КОНФИКСАЦИИ В
РУССКОМ ЯЗЫКЕ XI–XVII вв.**

10.02.01 – Русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Казань – 2012

Работа выполнена на кафедре истории русского языка и славянского языкознания Института филологии и искусств федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Научный руководитель доктор филологических наук, профессор

Николаев Геннадий Алексеевич

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор

Баранов Виктор Аркадьевич

кандидат филологических наук, доцент

Маркова Татьяна Дамировна

Ведущая организация – Ульяновский государственный педагогический университет

Защита состоится **22 мая 2012 года** в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.05 по присуждению ученой степени доктора филологических наук при федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420021, г. Казань, ул. Татарстан, 2, ауд. 207.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке имени Н. И. Лобачевского федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (г. Казань, ул. Кремлёвская, д. 35).

Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте Казанского (Приволжского) федерального университета: <http://www.ksu.ru>.

Автореферат разослан 19 апреля 2012 года.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Т. Ю. Виноградова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Историческое словообразование, теоретические проблемы которого были поставлены и в определенной мере решены в работах В. М. Маркова, И. Э. Еселевич, Г. А. Николаева, Э. А. Балалыкиной, Ю. С. Азарх и др., как раздел науки об истории русского языка сохраняет свою актуальность. Без дальнейшего исследования проблем исторического словообразования невозможно в полной мере прийти к корректным выводам по исторической морфологии, семасиологии и стилистике.

В настоящее время остаётся необходимость более углубленного изучения истории как отдельных словообразовательных типов, так и средств и способов словопроизводства. Особенно это касается конфиксального способа, наименее изученного в науке. Отсутствие комплексного описания субстантивной конфиксации препятствует не только воссозданию объективной картины эволюции словообразовательной системы русского языка, но и полноценной разработке проблемы слова, его границ и тождества.

Важным теоретическим вопросом является выбор термина: традиционная наука говорит в этих случаях о префиксально-суффиксальном и префиксально-постфиксальном способе словообразования, выделяя в производном слове две аффиксальные морфемы [В. А. Богородицкий, В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Е. А. Земская, В. В. Лопатин, И. С. Улуханов и др.]. Но в конце шестидесятых годов XX века появляется новая интерпретация этих образований как конфиксальных. По мнению В.М. Маркова, выделение в производном слове двух аффиксальных морфем противоречит логике морфологического словопроизводства, поскольку: а) морфологическое словопроизводство представляет собой единичный акт, в котором участвуют две структурных единицы; б) каждое производное слово выделяет в своем составе одну словообразовательную морфему, осложняющую так называемую основу – ту общую часть, которая выступает в противопоставлении производящего и производного слова в качестве семантико-фонематического коррелятива. Конфиксация – двустороннее осложнение производящей основы в процессе формирования производного слова; конфикс – это двуэлементная прерывистая аффиксальная морфема, осложняющая в процессе словопроизводства производящую основу одновременно в пре- и постпозиции.

Для обоснования существования конфиксации приведено много аргументов (работы В. М. Маркова, Г. А. Николаева, Т. М. Николаевой, Л. В. Владимировой, М. А. Габинского,

Н. К. Пышкало, В. П. Старинина, А. Н. Тихонова, М. В. Черепанова, С. Х. Чекменевой, П. П. Шубы). Мы не вдаёмся в дискуссию по этому поводу, принимая конфикацию как реальную словообразовательную категорию.

Актуальность обращения к истории субстантивной конфикации в русском языке определяется наличием нерешенных и дискуссионных вопросов, связанных с этими образованиями, а также отсутствием последовательного, системного описания ее становления в русском языке.

Первой работой, продолжающей теоретические концепции В. М. Маркова, была кандидатская диссертация С. Х. Чекменёвой «Развитие именной конфикации в русском языке. На материале имён существительных с конечным элементом *-ие/-ье*» (Казань, 1974 г.); затем была кандидатская диссертация Л. В. Владимировой «Конфиксальные образования с финальным *-ник* в истории русского языка» (Казань, 1991 г.). Проблемы конфикации затрагиваются в докторском исследовании Г. А. Николаева «Теоретические проблемы русского исторического словообразования» (Казань, 1988 г.). В дальнейшем история и теория конфикации становится предметом научных работ, авторами которых являются ученые разных исследовательских школ. В то же время учение о конфикации следует отнести к одной из главных составляющих теоретической концепции словообразования, разработанной В. М. Марковым и его казанскими учениками.

Значительный вклад в разработку теории и истории славянской конфикации на материале украинского языка внесли украинские ученые (П. І. Білоусенко, І. О. Іншакова, К. А. Качайло, О. В. Меркулова, Л. М. Стовбур) в монографии «Нариси з історії українського словотворення», изданной в Запорожском национальном университете (Запоріжжя–Кривий Ріг, 2010 г.). Авторы рассматривают конфикс как исконное словообразовательное средство. В нашем исследовании мы придерживаемся иного мнения: конфикация не была исконным способом словообразования в славянских языках, она могла возникнуть только на определенной ступени развития языковой абстракции носителей языка. Расхождения в вопросах хронологии явления не имеют в данном случае принципиального значения. Важнее то, что украинские ученые не повторяют необоснованного признания приставочно-суффиксального словообразования, выделяя в соответствующих словах именно конфиксальные структуры. Мы рассматриваем эти структуры в процессе их становления, считая временем появления конфикации поздний

древнерусский период и связывая ее с разрушением семантического синкретизма, укреплением языковой парадигматики и роли исходных форм парадигм.

Объектом нашего исследования является именное субстантивное словообразование в русском языке XI–XVII веков.

Предметом исследования – формирование и развитие конфиксального способа образования имен в русской словообразовательной системе этого периода.

Цель нашей работы – описание формирования субстантивных конфиксальных образований в древнерусском языке (XI–XIV вв.) и основных тенденций дальнейшего развития конфикации в языке старорусском (XV–XVII вв.).

Лингвистический анализ предусматривает решение следующих **задач**:

- рассмотрение причин и путей появления конфиксального способа словообразования в древнерусском языке;
- определение роли калькирования в становлении конфикации;
- классификация субстантивных конфиксальных производных по словообразовательным типам и словообразовательным значениям;
- обозначение круга конфиксальных производных, обладающих множественной мотивацией;
- выявление динамических тенденций в системе конфиксальных словообразовательных типов и их хронологии;
- установление основных и наиболее продуктивных типов конфиксальных именных синонимов, существовавших в языке XV–XVII вв.;
- описание продуктивных конфиксальных образований в разных жанрово-стилистических разрядах русского литературного языка XIV–XVII вв.

Последнее особенно важно, так как в настоящее время функциональный аспект исторического словообразования становится особенно актуальным в науке.

Материалом исследования послужили показания исторических словарей: «Материалы для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского, Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.), «Словник-индекс к словарю древнерусского языка», Словарь русского языка XI–XVII вв.; а также показания текстов разножанровых памятников письменности XI–XVII вв.: «Моление Даниила Заточника», «Слово о полку Игореве», «Сказания и повести о Куликовской битве», Радзивилловская летопись, «Жизнь

и житие Сергия Радонежского», Московский летописный свод конца XV в., «Домострой», Памятники русского права, «Сказание Авраама Палицына» и др., из которых были извлечены и классифицированы по определенным направлениям примеры функционирования субстантивных конфиксальных образований.

Конфиксальные образования рассматриваются, с одной стороны, на синхронном срезе, таким образом, принимаются во внимание специфические особенности отдельных периодов их существования и стилистическая специфика; а с другой – в диахронии, так как исследование учитывает динамику развития языковых явлений. Таким образом, анализ конфиксальных образований предполагает использование следующих **методов исследования**: исторического, сравнительного и описательного метода с элементами количественного (статистического) анализа.

Теоретическая значимость работы. Предпринятое в настоящей работе исследование развития субстантивной конфиксации и конфиксальной именной синонимии на протяжении XI–XVII вв. восполняет пробелы в описании исторического процесса становления конфиксации как относительно самостоятельного способа морфологического словопроизводства; устанавливает основные источники и пути формирования конфиксального способа словопроизводства в русском языке; способствует адекватному отражению структуры и внутренних закономерностей функционирования имени существительного; вскрывает связи семантических, словообразовательных и стилистических явлений в истории языка.

Научная новизна исследования состоит в том, что словообразовательные формы рассмотрены под особым углом зрения – как конфиксальные образования; впервые показана динамика формирования и развития конфиксации как самостоятельного способа словопроизводства; выявлены словообразовательные типы и словообразовательные значения различных тематических групп конфиксальных субстантивных образований; изучены синонимические ряды указанных производных; отслежены исторические изменения в структуре и семантике конфиксальных имен существительных.

Теоретическая значимость и научная новизна определяют сферу **практического применения** диссертационного исследования. Данные, полученные в результате исследования, могут быть использованы в процессе преподавания лекционных курсов по исторической лексикологии, истории русского литературного языка, исторической

стилистике, историческому словообразованию и при составлении учебных пособий по изучению указанных курсов.

Положения, выносимые на защиту:

- конфиксальный способ словопроизводства не был искони присущ словообразовательной системе русского языка, а формировался на основании своеобразного переразложения суффиксальных словообразовательных типов, возникших на базе предложно-падежных форм;

- переразложение в среде суффиксальных типов и выделение конфиксальных структур связано с разрушением семантического синкретизма в русском языке, усилением парадигматики и роли исходных форм в мотивации этих структур;

- большую роль в формировании русской конфикации сыграло калькирование с древнегреческого языка структур, в ходе их взаимодействия с исконными русскими типами;

- в истории русской конфикации наблюдается рост продуктивности образований и появление новых конфиксальных словообразовательных типов в среднерусский период XV–XVII вв.; в настоящее время конфикация является активным способом русского словопроизводства;

- конфикация была свойственна всем письменным жанрам древнерусского языка, в сфере которых происходило взаимодействие славяно-книжного и народно-разговорного языкового материала, и выработывалась единая система конфиксального способа словопроизводства русского языка.

Апробация работы. Основные положения диссертации нашли отражение в докладах автора на международных и республиканских научных конференциях (Казань 2003, 2006, 2007, 2008, 2012 г., Ялта 2006 г., Санкт Петербург 2007 г., Симферополь 2007 г., Воронеж 2010 г., Набережные Челны 2005, 2010, 2011 г.), а также в 14 публикациях (в том числе в 2 статьях в журналах из перечня, рекомендованного ВАК Министерства образования и науки РФ). Работа обсуждалась на кафедре истории русского языка и славянского языкознания Казанского (Приволжского) федерального университета.

Структура работы: диссертационное сочинение состоит из введения, двух глав, заключения, списка принятых в работе сокращений, источников исследования и библиографии.

Работа выполнена в рамках научного проекта «Лингвистическое обеспечение аннотированного корпуса древнерусских Евангелий XI–XIII вв.» (номер контракта 14.740.11.0568) (Федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 годы» Министерства образования и науки Российской Федерации).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность темы исследования, определены методы, цель и задачи работы, отмечены ее новизна, теоретическая и практическая значимость, излагаются положения, выносимые на защиту, даны сведения об апробации диссертации.

В **первой главе** «*Формирование конфиксальных структур субстантивного словообразования в русском языке XI–XIV в.в.*» выявляются основные причины, источники и пути формирования конфиксального способа словопроизводства и его становление в древнерусском языке XI–XIV вв. В ней нашли отражение следующие аспекты:

Древний период истории русского языка характеризовался тем, что образование новых слов осуществлялось, как говорили первые русские грамматисты, путём «наращения складов», то есть путём префиксации или суффиксации. В то время отсутствовали и способ нулевой суффиксации (как способ «отсечения складов»), и усечение как морфонологическая особенность русского словообразования, и конфикация (одновременное осложнение основы слова в пре- и постпозиции). Для этого нужна была иная, более высокая степень языковой абстракции. Осложнение же суффиксом предложно-падежной формы (далее – ППФ) полностью соответствовало способу «наращения складов», который был связан с господством в языке XI–XIV вв. синтагматических отношений. Основной единицей текста в условиях языкового синкретизма была синтагма, и многие процессы, в том числе и процессы словопроизводства, развертывались по синтагматической оси (например: *по людемъ + -иє → полюдиє*). Конфикация как самостоятельный способ образования слов могла возникнуть только в период разрушения семантического синкретизма, в ходе которого происходило укрепление языковой парадигматики. Чтобы существующее уже слово (*полюд-ьє*) было переосмыслено (*по-люд-ьє*), нужно, чтобы в языке произошли изменения, связанные с развитием и сменой типа мышления носителей языка в ходе разрушения языкового синкретизма. В результате

возникла возможность сопоставления языковых единиц, замены одной единицы другой в соответствующих условиях, в формировании иерархии языковых форм, что нашло отражение в усилении парадигматики.

Конфигкация формировалась в древнерусском языке, используя для этого ряд языковых возможностей.

Основным путем было исконно славянское формирование конфиксальных структур на базе своеобразного переразложения суффиксальных осложнений ППФ, вызванного усилением роли исходных форм в парадигме в ходе распада древнеславянского семантического синкретизма. В связи с этим следует отметить, что количество конфиксальных типов в древнерусском языке определялось количеством так называемых первичных предлогов, так как источником препозитивных элементов конфикса являются не приставки, а предлоги. Это предлоги *безъ, въз, за, изъ, между, на, надъ, о, объ, передъ, по, подъ, при, с(о), оу*; реже оформлялись суффиксами ППФ с предлогами *отъ, про*. Препозитивные части конфиксальных образований, восходящие к предлогам производящей ППФ, связали их значения с пространственными характеристиками, а их употребление – с определёнными текстами. Совпадение препозитивных элементов рассматриваемых структур с приставками исторически обусловлено и связано с существованием с древнейших времен предложно-приставочного параллелизма в славянских языках.

Ограничено было и число суффиксов, которыми осложнялись в древнерусском языке предложно-падежные формы: *-ик/-ьк (порадик, възгорьк), -ство (безчадство), -ьникъ (нарамышникъ), -ьница (възглавьница), -ница (завьница), -нна (закранна), -ъкъ (бездомъкъ), -ьщина (Задонщина), -ька (подоушька)*. Наиболее регулярным является суффикс *-ик*, причем он активно соединяется и с книжными, и с разговорными основными элементами.

Древнерусский язык фиксирует около 300 имен, которые с позиций дальнейших отношений могли бы квалифицироваться как конфиксальные, из них 148 образований с постпозитивным *-ик*. Данный элемент придает существительным, производным от ППФ, значение широкой отвлеченности, значение качества, состояния: *попирик – похмельное состояние после застолья: шхъ мнѣ лухого сего попирина голова ма болить и роука са тепетьъ* Парем 1312–1313, 22 (зап.); хотя он может формировать и значение

предметности, собирательности: *подворник* – дом с дворовыми постройками: *а на которшмь подворьи стоять немци.. Гр.1229 сп. 1270–1277*; оформлять значение лица: *подрочник* – друг, супруг: *Мънога же лѣ(т). дароунъ въ самоу емоу. н.. Феофанѣ. и чадомъ ею и подрочникомъ чадъ ею Ев.Остр. 1056–1057, 294 в.*; значение конкретного пространственного объекта: *приморник* – побережье: *по сихъ же ц(с)рь Дарии вога собравъ различныхъ странъ Гоурню и Финикию и приморню всю поплѣнивъ. ГА XIV, 126а*); значение времени: *заоутрик* – утро: *а на заоутрик обрѣтеса крѣ(с) ч(с)тныи. ЛН XIII–XIV, 4об. (1096)*. Как видим, в формировании семантики производных слов важную роль играет характер форманта и значение производящей основы.

Продуктивны при осложнении ППФ и другие указанные выше суффиксы. Важно отметить, что такие книжные суффиксы, как *-тие, -ение, -ние, -ость, -тель* не участвовали в формировании конфиксации, так как в качестве производящей базы они имели не предложно-падежные формы, а глагольные или адъективные основы.

Начиная с XIII в., можем говорить о сформировавшихся конфиксальных структурах, о чем свидетельствует участие этих образований в одном контексте с исходными формами и их соотношенность с последними: *Шлтарь тѣкмо попомъ и дьяконъмъ, а четцемъ и пѣвцемъ предъшлтарне. Поуч.святц.Новг.крм. 1280 г 585.*

При образовании конфиксальных структур факты русского языка взаимодействовали с греческим языковым материалом, поэтому особое внимание при изучении путей появления конфиксации было уделено калькированию греческих лексем. Итак, второй путь формирования конфиксации – калькирование производных структур греко-византийского языка.

Закрепление в языке слов, имеющих одинаковую структуру, дало возможность выделить структурные типы: *без...ник, без...ьство, въз...ник, въз...ьствне, съ...ник, по...ник*: *бездъждник* из *ἀβροχία*; *безбожьство* из *ἀθεία*; *възмъзник* из *ἀντιμισθίαν*, *възбръчьствне* из *ἀναγία*; *съгласник* из *συμφωνία*, *породник* из *σπυρένεια* и т.п. Так как калькированные структуры такого типа были несвойственны словообразовательной системе древнерусского языка XI–XII вв. и не имели на первых порах поддержки в нем, то конфиксальные образования воспринимались как окказиональные. Носители языка стремились осмыслить кальки как суффиксальные, интерпретировать через предложно-

падежные формы и через прилагательные: *БЕЗЪЛОБИК* (*ἀχαχία*) – *БЕЗЪЛОБИНЫ* – *БЕЗЪЗЪЛОБЫ*; *СЪРОДИК* (*συγγενεία*) – *СЪРОДИНЫ* (*τῆς συγγενείας τὰ δῆλαια, cognationis iurg*) *Ефр. крм. 203. Вас. Вел.* Калькированные формы оказывались в кругу близких слов, и слово начинало осваиваться в словообразовательном отношении. Вторичная мотивация этих имен прилагательными могла поддерживать в них суффиксацию.

Некоторые существительные, возникнув как кальки, затем переосмысляются в русских памятниках. К тому же калькированные слова, типа *породик*, *созвучьк*, *соцветьк*, «провоцировали» осмысление русских слов, типа *подворьк*, как конфиксальных, укрепляли не характерную для словообразовательной системы древнерусского языка структуру: *дворь* – *подворьк*, *дождь* – *бездождьк*, *родь* – *съродик*, *мьзда* – *възмьздик* и т.п. Русские суффиксальные образования сближались с греческими структурами (типа *α...ία*, где *α* – *БЕЗЪ-*, *ία* – *-ИК* или *συμ...ία*, где *συμ* – *СЪ-*, *ία* – *-ИК*) и осмысливались как конфиксальные.

Взаимодействие русского и греческого материала привело к появлению слов, в качестве производящей основы использующих исходную форму существительного, например, *одвьрьк*, *падщерица*, *розводик*, *оземьствик* и других образований, которые не возникали на базе ППФ. Выделение прерывистой структуры типа *о...ьк*, *па...ница*, *разь...ьк*, *о...ьствик* на основе соотнесенности с существительными в контексте позволяет расценивать подобные образования как конфиксальные: *И оукраши каменни ч(с)тными и зла(т)ьми... и стѣны и верхы и двьри и вдвьрья (τὰ θρόματα) Га XIV, 90 б.; И падщерица убо есть ѿ иного мужа. дъщи жены моеа. КР 1284, 341 в-г.; А розводье было в заговение великое; и проиде вода и бысть весна. Никон.л. 6913 г.; Всю землю тако оземьствіе вижю. ГБ к. XIV, 164 а.* Показательно, что такие образования появляются в конце древнерусского периода, о чем свидетельствуют приведенные примеры.

Рассмотренные пути приводят нас к пониманию механизма формирования русского конфикса как результата своеобразного переразложения прежних суффиксальных образований, возникших на базе предложно-падежных форм, а теперь переориентированных в своей соотнесенности на исходные формы производящего слова.

Используя термин «формирование», мы признаем, что конфиксация не исконное, а более позднее явление в русском языке. Это обосновывается следующими аргументами:

1) обоснование языковое, общетеоретическое: исконное отсутствие конфиксации в словообразовательной системе русского языка доказывается спецификой древних словообразовательных процессов;

2) обоснование речевое, текстовое: один из основных критериев при определении конфиксации – возможность соотнесения образования, в котором выступает данная морфема, с однокорневым словом в тексте, из которого интересующее нас существительное может выводиться структурно и семантически.

Фактически именно в конце древнерусского периода новая мотивированность приобретает статус словообразовательных отношений и начинает служить моделью для образования слов с конфиксальной структурой.

Исследуемые словообразовательные типы в древнерусский период характеризуются сложными мотивационными отношениями. При их анализе мы руководствовались следующими критериями:

– калькированные структуры обычно выделяются в переводных текстах, где они имеют четкие древнегреческие соответствия;

– о суффиксации свидетельствуют случаи использования рассматриваемых образований в контексте с ППФ или мотивированности этих слов прилагательными, которая препятствовала развитию конфиксации у отвлеченных существительных;

– при выделении конфиксации учитывалась внутритекстовая соотнесенность производных образований с исходными парадигматическими формами и единое словообразовательное значение.

Отмеченная сложность заключается в вероятности полимотивации одного и того же производного. Так, слова типа *безумник* могут мотивироваться либо предложно-падежными формами *безъ ума*, либо существительными типа *безумъ*, либо прилагательным *безумьнъ*, к тому же это образование может рассматриваться и как калька с греческого. Но сама полимотивация свидетельствует о возможности выделения в соответствующих словах конфиксальных структур.

Во второй главе «*Развитие субстантивной конфиксации в русском языке XV–XVII вв.*» анализируется дальнейшее развитие конфиксации в новых языковых условиях; степень участия в этом процессе народно-разговорных элементов; рассматриваются

синонимические связи указанных производных и стилистические особенности функционирования конфиксальных словообразовательных типов в старорусском языке.

По направлению к XVII в. наблюдается рост продуктивности прежних образований и появление новых конфиксальных словообразовательных типов. В результате распада синкретизма и становления новых семантических отношений в русском языке происходит рост словообразовательных ресурсов, вызванных необходимостью оформления выделяющихся из синкрет значений. Всего нами отмечено 114 конфиксальных словообразовательных типов, из них 58 появилось в русском языке после XV в. Это увеличение поддерживалось как языковыми факторами: переосмысление существующих образований и создание новых моделей конфиксальной структуры; так и внеязыковым обстоятельством: благодаря бурному росту делопроизводства в Московском государстве мы располагаем гораздо большим количеством письменных источников по сравнению с древнерусским периодом.

Однако о конфиксе мы можем говорить однозначно только тогда, когда он представляет собой единое структурное целое и единое словообразовательное значение, то есть когда произошла идиоматизация морфемного состава таких производных слов. Идиоматизация конфиксальной структуры происходила постепенно. Процесс формирования конфикса как форманта базировался первоначально на суффиксальной части, поскольку это был уже готовый аффикс, в отличие от препозитивного элемента, который не сразу сформировался как морфема, так как составлял часть производящей основы. В XI–XVII вв. происходит превращение его из элемента основы в элемент форманта, в препозитивный элемент конфикса. В ходе этих процессов отмечаются разные проявления структурно-семантических связей: постпозитивная часть имеет больший семантический вес в формирующейся конфиксальной структуре; препозитивная конфиксальная часть (бывшая часть основы) играет роль семной доминанты; обе части конфикса семантически уравновешены.

Как показывает языковой материал, в этот период происходит не суффиксация предложно-падежных форм, а непосредственно осложнение именных исходных форм прерывистым конфиксальным формантом. Об этом свидетельствует четкое выделение конфиксальных структур при выражении пространственного, агентивного, предметного и абстрактного словообразовательных значений.

Представленный материал свидетельствует о неодинаковой степени активности стилистически маркированных конфиксальных структур. Это объясняется разным отношением книжной и разговорной сферы к новообразованиям. Конфиксы с книжными и нейтральными структурами вводятся носителями языка сознательно, при этом используются преимущественно продуктивные типы словообразования. То есть созданные образования являются следствием применения возможностей словообразовательной системы русского языка XV–XVII вв. В разговорной сфере появление новых конфиксальных структур является результатом языкового творчества, расширяющего рамки системы литературного языка. Производные с народно-разговорными конфиксами демонстрируют бурный рост новых словообразовательных типов. Если к XV в. отмечается 20 структур с разговорными элементами, которые стремятся быть конфиксальными, то к XVII в. число конфиксальных словообразовательных типов увеличивается до 71: *БЕЗЪ...ОКЪ, ВЗ...ОКЪ, ЗА...ОКЪ, НА...ОКЪ, НЕДО...ОКЪ, О...ОКЪ, ПА...ОКЪ, ПЕРЕ...ОКЪ, ПО...ОКЪ, ПОДЪ...ОКЪ, ПРИ...ОКЪ, СО...ОКЪ, ЗА...ЕКЪ, О...ЕКЪ, ОТ...ЕКЪ, ПОДЪ...ЕКЪ, ПРИ...ЕКЪ, ПРО...ЕКЪ, ЗА...КА, МЕЖ...КА, НА...КА, О...КА, ПОДЪ...КА, ПО...КА, ПРЕ...КА; ПО...ЩИНА; ПО...ИНА; НА...ЧИНА, НА...ЩИНА, ПО...ЧИНА, РАС...ЩИНА, ПОДЪ...ЬЩИКЪ, ПО...ЬЩИКЪ, ПОДЪ...ИЦА, ВОЗ...ИЦА, ЗА...ИЦА, НА...ИЦА, О...ИЦА, ОБ(О)...ИЦА, ПА...ИЦА, ПЕРЕ...ИЦА, ПО...ИЦА, ПРИ...ИЦА, БЕЗЪ...ИЦА, БЕЗЪ...ЬНИЦА, ВОЗ...ЬНИЦА, ЗА...ЬНИЦА, ИЗ...ЬНИЦА, НА...ЬНИЦА, НАД...ЬНИЦА, ПО...ЬНИЦА, ПОЗА...ЬНИЦА, ПОД...ЬНИЦА, ПРИ...ЬНИЦА, ПРЕДЪ...ЬНИЦА, ВЫ...КИ, ЗА...КИ, НА...КИ, О...КИ, ПО(Д)...КИ, ЗА...ИНА, ИЗ...ИНА ОБ(О)...ИНА ОТ...ИНА, О...ИЩЕ, ПОДЪ...ИЩЕ, ПОДЪ...ИНКА, ПЕРЕД...ЦЕ, ПОД...НЯ, ПРИ...НЯ, ПА...НЯ.*

Это был живой языковой процесс, поэтому он развивался в основном в деловой письменности, тесно связанной с народно-разговорной речевой стихией. Можно считать, что это было одной из сторон общей демократизации русского литературно-письменного языка. Калькированные модели прежнего периода наполнялись новым языковым материалом, и чаще – именными основами конкретно-предметного значения. Именно в это время происходило укрепление конфиксального способа русского словопроизводства.

В старорусском языке конфиксальные типы (по продуктивности, по способности соединяться с более разнообразными основами, по распространенности) отличаются от соответствующих типов древнерусского языка. Так, например, в старорусском языке наблюдается усиление конкретности значения в образованиях на *БЕЗЪ...ИК*, по сравнению с

древнерусским языком. Тенденцию к конкретизации можно считать одним из признаков закрепления конфиксации (уход от калькированных, книжных образований с отвлеченным значением). На освоенность анализируемых формантов в словопроизводстве русского языка XV–XVII вв. указывают также изменения фонетического порядка – активное использование фоновариантов (типа *за...екъ // за...окъ* и под.). Распространенность конфиксальных структур в словообразовательной системе XV–XVII вв. связана и со стремлением русского языка к структурно-семантической прозрачности номинативных единиц, что обеспечивается различными конфиксами.

В XV–XVII вв. формировалась и развивалась словообразовательная конфиксальная синонимия на основе прежней синонимии суффиксально осложненных предложно-падежных форм. С одной стороны, она являлась результатом активно развивающегося конфиксального способа словопроизводства. С другой стороны, она выступала одним из аргументов, подтверждающих существование конфиксации как самостоятельного словообразовательного способа, становилась одной из причин ее дальнейшего развития. Особенно это относится к тем моделям, которые при тождестве постпозитивной части, варьировали препозитивные элементы конфикса: такие производные могли становиться синонимами только при их соотнесенности с исходной формой производящего имени (*пригор-окъ // в3-гор-окъ*). В другом случае мы имели бы дело не со словообразовательной, а с лексической отраженной однокоренной синонимией. Несмотря на то, что словообразовательная синонимия является разновидностью лексической, каждая из них подчиняется своим закономерностям: если для лексической синонимии пределом является слово, то для словообразовательной синонимии – словообразовательный тип, так как словообразование связано с выражением типовых значений.

Члены обнаруженных синонимических пар характеризуются отношениями различного характера: они могут выступать как полные дублеты, характеризуясь идентичной семантикой и употребляясь в стилистически однородных отрывках текста; иметь различия в семантике и в стилистической окраске, что находит отражение в использовании как внутрителивой, так и межстелевой синонимии.

По свидетельству памятников литературы и словарей, включающих данные XV–XVII вв., словообразовательными синонимами, в зависимости от образующего аффикса, оказываются около 80 параллелей. Мы их классифицировали на основании совпадения

препозитивной части конфикса и различия финальной, совпадения постпозитивной части и различия начальной, а также рассмотрели образования, структура которых характеризуется разными синоморфемами. Отмеченные параллели могут характеризоваться различной степенью синонимичности: могут быть абсолютными по значению синонимами и могут в какой-то степени различаться по семантике. Например, образования *поголовье* // *поголовщина* имеют общее словообразовательное значение *нечто, исчисляемое в соответствии с тем, что названо мотивирующим словом (голова)*, однако имеют разницу на уровне лексической семантики: *поголовье* – *общее число при счете предметов, людей, животных*, *поголовщина* – *подушная подать*. Наиболее полное выражение словообразовательная синонимия имеет в тех случаях, когда она совпадает с лексической. Так, у образований *одворокъ* // *одворье* наблюдается совпадение и на словообразовательном уровне (*нечто, прилегающее к тому, что названо мотивирующим словом*) и на лексическом: *одворокъ* – *дворовая земля; близкая к деревне земля*, *одворье* – *то же, что одворокъ*. У большинства из рассмотренных синонимических конфиксальных образований в семантическом отношении наблюдается наличие общего лексического значения.

Наиболее продуктивными синоморфемами в образованиях, *совпадающих в препозитивной части* являются конфиксальные элементы *БЕЗЪ-* (с отрицательным значением: *бесчадне* – *бесчадство* – *бесчадствие* (*отсутствие детей, бездетность*); *за-* (со значением места: *задворье* – *задворка* – *задворокъ* (*место за двором, позади двора*); *ов-/о-*: (для обозначения предмета, прилегающего к тому, что названо мотивирующим словом: *ожерелье* – *ожрѣлие* – *ожерелокъ* (*ворот, прорез для горла в одежде*); *подъ-* (*нечто, находящееся рядом с тем, что названо в производящей основе*: *подворотня* – *подворотка* – *подворотница* (1. *пространство между воротами и землей*. 2. *доска, закрывающая пространство между воротами и землей, подворотня*).

В параллелизме конфиксальных образований, которые *совпадают в постпозитивной части* и различаются препозитивной частью обращает на себя внимание частотная синонимия постпозитивного элемента *-не* (*навечерие* – *отвечерие* – *павечерье* (*вечер*), хотя этот книжный элемент чаще выступает в разговорном (восточнославянском) фонетическом облики *-ьє*: *заозерье* – *подозерье* – *обозерье* (*побережье озера; места,*

лежащие вокруг озера). Продуктивностью отличаются и постпозитивный элемент **-ьникъ** (**подверникъ** – **придверникъ** (*сторож у дверей, у входа куда-л., привратник*); **оплечникъ** – **наплечникъ** (*часть доспеха, прикрывающая плечи*).

Образования, структура которых характеризуется **разными синоморфемами**. Представленные в этом структурном типе синонимические ряды могут иметь пространственное значение: **под...ьє** // **за...ьє** // **за...ьница** // **при...ьє**: **подболотьє** – **заболотьє** – **заболотница** – **приволотьє** (*местность под (у) болотом.*); темпоральное значение: **на...иє** // **за...ьє** // **за...ина** // **за...єня**: **наутриє** – **заутрик** – **заутрина** – **заутрєня** (*следующий день после чего-л., утро следующего дня*). Синонимия распространена и среди образований с конкретно-предметным значением: **за...ка** // **пре...ька** // **пре...ьникъ**: **запояска** – **препояска** – **препоясникъ** (*пояс, кушак*). В синонимическом ряду **без...иє** // **без...ьствие** // **не...иє** // **не...ьствие** // **не...ьство** прослеживается отвлеченное словообразовательное значение: *состояние, характеризующееся отсутствием того, что названо мотивирующим словом*: **весплодиє** – **весплодствие** – **неплодиє** – **неплодствие** – **неплодство** (*бесплодие*).

Наличие богатых синонимических рядов и мена конфиксальных элементов свидетельствуют, с одной стороны, о сознательном отборе речевых средств для выражения одного и того же словообразовательного и лексического значения (при этом используются как народно-разговорные, так и книжные форманты), с другой стороны, об освоенности конфиксального словообразовательного средства в русском языке XV–XVII вв.

В **заключении** представлены результаты проведенного исследования.

Конфиксация как самостоятельный способ именного словообразования возникла в период разрушения семантического синкретизма языковых единиц, в ходе которого исчезала нерасчлененность категориального, лексического и словообразовательного значений древнерусского слова и происходило укрепление языковой парадигматики. Превращению конфиксации во все более регулярный и продуктивный способ создания слов во многом способствовали: изменение словообразовательных отношений в определенных типах, обусловленное развитием субстантивно-адъективных связей в русском языке; перемотивация суффиксальных структур с предложно-падежных на исходные формы, которые начали выступать в качестве активной словообразовательной базы; переинтеграция морфемного состава в структуре рассматриваемых слов.

Сигналом к появлению сформировавшихся конфиксальных структур явилось употребление в контексте имен с прерывистой структурой и исходных форм и их текстовая соотнесенность с последними. Эта текстовая соотнесенность обобщалась, приобретала типовой характер и становилась системной для соответствующих форм. Сложившиеся отношения стали служить моделью для образования новых слов.

Конфиксация была свойственна всем письменным жанрам русского языка XIV–XVII вв., в сфере которых происходило взаимодействие славяно-книжного и народно-разговорного языкового материала и вырабатывалась единая система конфиксального способа словопроизводства русского языка. Однако вместе с ростом наблюдается количественная ограниченность новых книжных конфиксов, по сравнению с обилием народно-разговорных (что нашло отражение в деловых памятниках). Бóльшая часть разговорных словообразовательных типов субстантивных конфиксальных образований сформировалась только в русском языке XV–XVII вв. (в древнерусском языке они представлены единичными примерами). Анализ материала показывает, что в русском языке формирование конфиксации опиралось на книжный источник, а её развитие – на народно-разговорную сферу.

Таким образом, приведенные языковые факты свидетельствуют о том, что мы имеем дело с комплексом процессов, приведших к закреплению конфиксального способа морфологического словопроизводства в русском языке. Возникновение данного способа качественно изменило систему аффиксальных средств русского языка: появилось новое основание их классификации по прерывистости / непрерывистости фонемной протяженности. Большую роль в этом сыграло прямое или косвенное действие аналогии и других процессов, управляющих развитием морфологического строя языка.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Конануха О. Г. Некоторые особенности развития именного конфиксального словообразования в древнерусском языке // Вестник Чувашского университета. – Чебоксары, 2007. – № 1. – С. 224–228.

2. Гунько О. Г. Формирование и развитие конфиксации в сфере русского субстантивного словообразования // Вестник Челябинского государственного университета. – Челябинск, 2012. – Выпуск 63. № 5. – С. 34–38.

Публикации в прочих изданиях:

3. Конануха О. Г. Некоторые наблюдения над конфиксальными образованиями на материале Куликовского цикла // II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность. Труды и материалы. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2003. – С. 89–90.

4. Конануха О. Г. К вопросу о конфиксальных образованиях в новгородских берестяных грамотах // Материалы итоговой научной конференции. – Набережные Челны: Лаб. операт. полиграфии, 2005. – С. 143–144.

5. Конануха О. Г. К вопросу о конфиксации в старорусском языке на материале памятника XVI века «Домострой» (стилистический аспект) // III Международные Бодуэновские чтения: И. А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания. Труды и материалы. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2006. – Т.2. – С. 61–64.

6. Конануха О. Г. Из истории конфиксальных структур в древнерусском языке (на материале «Словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского) // XIII Международная конференция по функциональной лингвистике «Язык и мир». Сборник научных докладов. – Ялта, 2006. – С. 204–207.

7. Конануха О. Г. Конфигсальные структуры в Житии Сергия Радонежского // В. А. Богородицкий: научное наследие и современное языковедение: тр. и матер. Международной научной конференции. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2007. – С. 185–188.

8. Конануха О. Г. Наблюдение над конфиксальными структурами Радзивилловской летописи // История русского языка и культурная память народа: материалы XXXVI Международной филологической конференции. – СПб: Ф-т филологии и искусств СПбГУ, 2007. – С. 56–60.

9. Конануха О. Г. Наблюдение над именными конфиксальными структурами в древнерусском языке (функциональный аспект) // Материалы XIV Международной лингвистической конференции «Язык и мир». Культура народов Причерноморья. № 110. – Симферополь, 2007. – Т. 1. – С. 265–267.

10.Гулько О. Г. Именные конфиксальные образования в языке русских летописей XV века // Языковая семантика и образ мира: материалы Международной научной конференции. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. – Ч. 2. – С. 229–232.

11.Гулько О. Г. Словообразовательная синонимия конфиксальных имен существительных в русском литературном языке XV–XVII вв. // Грамматика III тысячелетия в контексте современного научного знания: XXVIII Распоповские чтения: материалы Международной научной конференции, посвященной 50-летию со дня основания кафедры русского языка филологического факультета ВГУ, 85-летию со дня рождения проф. И. П. Распопова, 75-летию со дня рождения проф. А. М. Ломова. – Воронеж: Изд-во ВГПУ, 2010. – Ч. II. – С. 99–105.

12.Гулько О. Г. Именная конфикация в топонимии русского языка XI–XVII вв. // Наука, технологии и коммуникации в современном обществе: материалы республиканской научно-практической конференции с международным участием. – Набережные Челны: Лаб. операт. полиграфии, 2010. – Т.2. – С. 8–10.

13.Гулько О. Г. Субстантивная конфикация в деловых текстах XIV–XV вв. // Наука, технологии и коммуникации в современном обществе: материалы республиканской научно-практической конференции с международным участием. – Набережные Челны: Лаб. операт. полиграфии, 2011. – Т.2. – С. 133–135.

14.Гулько О. Г. Конфисальные народно-разговорные словообразовательные типы в старорусском литературном языке // Русский язык: функционирование и развитие (к 85-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки Российской Федерации профессора В. М. Маркова): материалы Международной научной конференции. / Под общей редакцией Л.Р.Абдулхаковой, Д.Р.Копосова. – Казань: Изд-во Казан.ун-та, 2012. – С.395–402.